

O. Palij, CSc., Docent

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv

POSTMODERN CITY: THE LITERARY PERCEPTION OF THE CZECH PROSE

Variants of interpretation of the urban space in the Czech postmodern prose are studied in the article. On the example of novels of J.Topol, J.Kratochvil, M.Ajvaz, M.Urban, the main characteristics of the urban chronotop in compositions are examined.

Key words: *Czech prose, topos of the city, urban chronotop, postmodernism.*

УДК 808.5:612.78:761

Е. Песчанская, канд. филол. наук

КГАВТ им. гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, Киев

МАНИФЕСТАЦИЯ СИМПТОМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИЗОБРАЖЕНИИ ПИСАТЕЛЯ-ВРАЧА А.П.ЧЕХОВА

Статья посвящена рассмотрению проявления симптомов персонажей посредством паралингвистических средств коммуникации в контексте.

Ключевые слова: *симптом, жест, мимика, фонация.*

Антон Павлович Чехов был одним из немногих русских писателей, у которого, кроме литературы, была еще одна профессия, в нем гармонически уживались писатель и врач. В своем письме А. С. Суворину от 11 сентября 1888 года отмечал: «Медицина – моя законная жена, литература – любовница» [1: 326]. Антон Павлович считал, что медицинские знания помогли более глубоко и верно раскрыть мир чувств и переживаний героев его рассказов: «Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность, – писал А. П. Чехов Г. И. Россолимо, – они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач; они имели также направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где невозможно – предпочитал не писать вовсе. Замечу кстати, что условия художественного творчества не всегда допускают полное согласие с научными данными; нельзя изобразить на сцене смерть от яда так, как она происходит на самом деле. Но согласие с научными данными должно чувствоваться и в этой условности, то есть нужно, чтобы для читателя или зрителя было ясно, что это только условность и что он имеет дело со сведущим писателем» [1: 167].

Художественно оформленная совокупность научных представлений о патологических состояний характеризуется разнообразием средств словесной выразительности.

© *Е. Песчанская, 2014*

Так, для описания болезни произведениях Чехова, прежде всего, используются лексические единицы, в значении которых содержится указание на денотативную соотносительность с переживаемым состоянием: *День и ночь он грустит, покачивая головой, вздыхая и горько улыбаясь. Ест и пьет он машинально, когда дают. Судя по мучительному быющему кашлю, худобе и румянцу на щеках, у него начинается чахотка* [2: 318]. Наблюдается использование качественных прилагательных: *Когда Цветков подошел к ней и сквозь сумерки взглянул на ее бледное, истомленное горем лицо, у нее было такое выражение, какое ему случалось видеть ранее во время приступов сильнейшего, одуряющего мигрена* [2: 211].

Особый интерес для Чехова всегда представляла психиатрия, которую, по его мнению, должен был бы знать каждый писатель. В своих произведениях Чехов, не прибегая к научным терминам, дает возможность читателю распознать симптомы болезни героя и прочувствовать вместе с ним его недуг. Раскрывая образ героя, писатель-врач выделял симптомы, выраженные посредством жестов, движений, поз. Е.М. Верещагин и В.Г.Костомаров отмечают, что «жесты, мимика, позы, выражения лица – объединяются такой важной чертой, как намеренность, произвольность. Между тем лицо и тело человека нередко выражают эмоции и чувства, владеющие человеком произвольно. Если жесты, как правило, исполняются для стороннего наблюдателя, то произвольные телодвижения отмечаются также при его отсутствии: они внешне выражают внутренние, наблюдаемые физиологические состояния человека, поэтому их можно назвать симптомами» [3: 393].

Будучи врачом, А. П. Чехов физиологически точно описывает психические расстройства своих персонажей. Так, в рассказе «Устрицы» с научной точностью характеризует годовные галлюцинации ребенка посредством паралингвистических средств: *«ноги мои подгибаются, слова останавливаются поперек горла, голова бессильно склоняется вбок... По-видимому, я сейчас должен упасть и потерять сознание»* [2: 131].

А. П. Чехов показывает, как нищета, унижения и изнуряющий труд влияют на человеческую психику. Отметим, что, согласно психолого-филологическому словарю, следствием психического расстройства является ложное восприятие каким-либо органом чувств [4: 77]. Так, в рассказе «Спать хочется» Чехов показывает страдания девочки Вари, замученной работой, которая хочет поспать. На фоне расстроенного сознания девочку овладевает желание убить ребенка: *Измучившись, она напрягает все свои силы и зрение, глядит вверх на мигающее зеленое пятно и, прислушавшись к крику, находит врага, мешающего ей жить. Этот враг – ребенок. Она смеется. Ей удивительно: как это раньше она не смогла понять такого пустяка? Зеленое пятно, тени и сверчок тоже, кажется, смеются и удивляются. Она встает с табурета и, широко улыбаясь, не мигая глазами, прохаживается по комнате. Ей приятно и щекотно от мысли, что она сейчас избавится от ребенка, сковывающего ее по рукам и ногам... Убить ребенка, а потом спать, спать, спать... Смеясь, подмигивая и грозя зеленому пятну пальцами, Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребенку. Задушив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мертвая...* [2: 177]. Здесь же отметим, что автор создает поэтическую атмосферу не только с помощью персонажа, но и музыкального стиля. Благодаря дополнительной музыкальной организации данного рассказа отождествляются ощущения читателя,

тоскливое настроение героя: «в печке кричит сверчок... колыбель жалобно скрипит... Варька мурлычет» – все эти музыкальные детали сливаются в убаюкивающую музыку, создающую печаль измученной трудом героини.

Умение наблюдать тонкие изгибы человеческой психики, художественно и достоверно раскрывать переживания персонажа, утратившего душевное равновесие, проявлено Чеховым и в рассказе «Палата № 6». Автор передает галлюцинации и художественно воспроизводит мучительные переживания своего персонажа. Иван Дмитрич Громов страдает манией преследования. Ему кажется, что его хотят схватить полицейские. Развитие болезни прогрессирует, и у героя развивается бред: ***Иван Дмитрич вздрагивал при всяком звонке и стуке в ворота, томился, когда встречал у хозяйки нового человека; при встрече с полицейскими и жандармами улыбался и насвистывал, чтобы казаться равнодушным... Иван Дмитрич, чтобы не подумали, что это он убил, ходил по лицам, улыбался, а при встрече со знакомыми бледнел, краснел и начинал уверять, что нет подлее преступления, как убийство слабых и беззащитных*** [2: 325].

В данных текстовых фрагментах наблюдается использование автором при описании галлюцинации персонажей следующих паралингвистических средств: при бреде писатель употребляет кинемы мимического характера – «широко улыбаться», «не мигать глазами», «смеяться»; при мании преследования используются все виды паралингвистических компонентов – «вздрагивать», «улыбаться», «насвистывать», при душевном расстройстве, вследствие чего возникает эмоция «страх», – «ежиться» и «беспокойно оглядываться по сторонам».

С большим мастерством Чехов изображает душевную боль своих героев. Так, в одноименном рассказе «Тоска» автор изображает боль-тоску извозчика Ионы, потерявшего сына: *Иона долго глядит вслед гулякам, исчезающим в темном подъезде. Опять он одинок, и опять наступает для него тишина... Утихшая ненадолго тоска появляется вновь и распирает грудь еще с большей силой. Глаза Ионы тревожно и мученически бегают по толпам, снующим по обе стороны улицы: не найдется ли из этих тысяч людей хоть один, который выслушал бы его? Но толпы бегут, не замечая ни его, ни тоски... Тоска громадная, не знающая грани* [2: 75].

Для передачи эмоции автор употребляет миремическую кинему, выраженную метафорическим глагольным словосочетанием «глаза бегают» в сопровождении наречий «тревожно», «мученически» со следующими словарными значениями: «выражающий тревогу, страдание» [5: 567; 257]. В данном примере невербальный компонент передает отрицательную эмоцию – печаль.

Авторское отношение к патологическому состоянию может передаваться и за счет лексем, маркирующие фонационные средства. По мнению Г.Е. Крейдлина, «голос является основным инструментом языковой и параязыковой коммуникации. Благодаря своим природным физиологическим свойствам он является выразителем эмоций и в диалоге часто не контролируется. В мольбах, воплях, стенаниях голос человека более громкий, чем в обычной спокойной речи» [6: 43]: *Ольга Михайловна опять почувствовала боль и схватила мужа за рукав. – Больно, больно, больно... - сказала она быстро. – Ах, больно!... Рыдания чередовались у нее с страшною болью, и каждая новая боль была сильнее и продолжительнее. Сначала во время боли она задерживала дыхание и кусала подушку, но потом стала кричать неприличным, раздражающим голосом* [2: 226].

Проанализировав примеры, можно отметить, что для проявления симптомов у персонажей автор употребляет все виды паралингвистических средств: кинетические средства: *покачивать головой, улыбаться, склонить голову вбок, ноги подгибаются, не мигать глазами, подмигивать, смеяться, вздрагивать, глаза бегают*; и фонационные средства: *вздохать, навестиывать, кричать неприличным, раздирающим голосом*.

Говоря о творческой манере А.П.Чехова, которая проявляется в использовании разнообразных выразительных средств, следует отметить, что ярким средством манифестации физиологических симптомов и психических состояний персонажей, в большей части, являются паралингвистические экспозиции. В свою очередь они становятся информативными и обладают семантической многоплановостью, широким функциональным диапазоном, оказываются средством индивидуализации персонажей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Полное собрание сочинений и писем : в 30-ти т. / А. П. Чехов ; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. – М. : «Наука», 1974.
2. Чехов А. П. Чайка. Дядя Ваня. Три сестры. Вишневый сад. Повести и рассказы / Антон Павлович Чехов. – М. : АСТ : АСТ Москва, 2007. – 870 с. – ISBN : 5-17-041408-0, 5-9713-4351-3
3. Верещагин Е.М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции : лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы : [ред., послесловие акад. Ю.С. Степанова] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Индрик, 2005. – 1040 с. – ISBN : 5-85759-289-5.
4. Летагова Т. В. Тысяча состояний души: краткий психолого-филологический словарь / Т. В. Летагова, Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 424 с. – ISBN : 5-89349-714-7, 5-02-033144-9
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 53000 слов / Сергей Иванович Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : ООО «Издательство Оникс» : ООО Издательство «Мир и Образование», 2007. – 640 с. – ISBN : 978-5-488-00-917-2
6. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика и ее соотношении с вербальной : автореф. дис. на соискание ученой степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «общее языкознание, социолнгвистика, психолнгвистика» / Крейдлин Григорий Ефимович. – М., 2000. – 68 с.

Стаття надійшла до редакції 07.10.2014

К.В.Песчанська, канд. філол. наук

КГАВТ ім. гетьмана Петра Конашевича-Сагайдачного, Київ

МАНИФЕСТАЦІЯ СИМПТОМІВ У ХУДОЖНЬОМУ ЗОБРАЖЕННІ ПИСЬМЕННИКА-ЛІКАРЯ А.П. ЧЕХОВА

Метою статті є розгляд виявлення симптомів персонажів за допомогою паралингвістичних компонентів комунікації у контексті.

Ключові слова: *симптом, жест, міміка, фонація.*

MANIFESTATION OF SYMPTOMS IN THE CONTEXT OF WRITER-DOCTOR A.CHEKHOV

The article is devoted to the manifestation of symptoms by means of non-verbal communication components in the context.

Key words: *symptom, gesture, mimics, phonation.*

УДК 821.161.2-82-311.5

А. Приймак, здобувач

Академія адвокатури України, Київ

ОСТАП ВИШНЯ В «ЛІТЕРАТУРНІЙ УКРАЇНІ»

У статті розглядаються публікації, що були надруковані в ювілейних випусках «Літературної України» (1988, 1989), присвячених 100-річчю з дня народження Остапа Вишні. Простежується особа автора в літературно-критичному та публіцистичному дискурсах.

Ключові слова: *літературна критика, публіцистика, спогади, особа автора, епістолярій, комічне.*

Про життя й творчість українського класика ХХ ст., відомого сміхотворця Остапа Вишню написано чимало (маємо на увазі праці Б. Пришви, І. Зуба, І. Дузя, А. Журавського, Ю. Бурляя, В. Дорошенка, Б. Мінчина, П. Моренця), проте час від часу з різних джерел до рук потрапляють нові факти з його життя. Об'єктом нашого дослідження беремо низку статей, які були надруковані в кількох ювілейних випусках газети «Літературна Україна», присвячених 100-річчю з дня народження Остапа Вишні (1988, 1989). Сьогодні ці газети є раритетом, а публікації, що ми маємо змогу опрацювати, не передруковувалися пізніше. Крім того, слід зауважити, що ці статті, а саме: «З погляду критики» Ю. Бурляя, «У табірній зоні» О. Жуковської, «Трагічна «десятирічка» Остапа Вишні» А. Журавського, «Несвоєчасна сатира Остапа Вишні» І. Зуба та «Чи писав в ув'язненні?» В. Крикуненка ми спеціально розглядаємо разом. Маємо на меті простежити провідні тенденції літературно-критичного та публіцистичного дискурсу, предметом якого стала особа автора – Остап Вишня та його тексти в газеті «Літературна Україна» 1989 р., виявити типологічні аспекти.

Автори книги «Таємниця письменницьких шухляд» [6] С. Цалик та П. Селігей через той факт, що «за радянських часів багато речей потрапляло під запону мовчання» [6: 9], вирішили сьогодні зламати стереотип «нецікаво розповідати про цікавих людей» [6: 9] і оприлюднити маловідомі або взагалі незнані епізоди біографій таких діячів української культури, як Микола Бажан [6: 32-49], Максим Рильський [6: 50-69, 185-205], Іван Кочерга [6: 70-89], Павло Тичина [6: 90-115], Олександр Корнійчук [6: 116-139], Улас Самчук [6: 140-183], Юрій Яновський [6: 206-223], Остап Вишня [6: 224-279], Олексій Куїндзич [6: 280-297] та Олесь Гончар [6: 298-345]. Події, описані в книзі, розгортаються від середини 1920-х - до середини 1990-х. Цалик та Селігей звертають увагу на те, що сталін-

© А. Приймак, 2014